

Часть первая

Глава 1

1

Они взяли меня ранним утром 15 августа 1996 года. В Москве.

Они взяли меня вдвоем. Подошли, попросили предъявить документы, вежливо повлекли в машину. Ловко и корректно, с ужимками портье открыли дверь, но запихнули внутрь уже вполне бесцеремонно.

Первый — от него пахло луком и портянками — проворно сел за руль, повернулся ко мне и произнес, сверкая зубом из дешевого желтого золота:

— Теперь говори, где тут, в вашей Москве, район Лефортово. А то мы не местные.

Я оторопел. Не понял. То есть только что пойманный преступник должен сам указывать сыщикам дорогу до тюрьмы? И потом, почему сразу в тюрьму? А доказать?

Столица Империи — особенный город. Здесь не собралась моментальная любопытствующая толпа. Граждане спешили мимо, отводя взгляды. Только один, помоложе, замедлил ход и слегка наклонил голову, чтобы рассмотреть через стекла автомобиля побледневшую физиономию арестованного человека. Но изнутри по прозрачной преграде грубо ударили ладонью:

— Давай проходи!

Любопытный юноша сильно вздрогнул и поспешил дальше, одергивая свой пиджак. Мой пиджак — стоил примерно в четырнадцать раз дороже.

— На светофоре направо, — мрачно ответил я, — и потом все время прямо, по набережной...

Так жертва подсказала палачу путь к эшафоту. Я бы наслаждался абсурдом момента, но помешал страх. Все-таки меня взяли впервые в жизни. И везли теперь как минимум на очень серьезный допрос. А как максимум — из свободы в несвободу.

Везли из мира японских компьютеров, кубинских сигар, французских коньяков, португальских портвейнов, швейцарских наручных хронометров, золотых запонок, шелестящих кондиционеров, глянцевых реклам, двухсотдолларовых парфюмов, льняных штанов, портфелей крокодиловой кожи, шелковых сорочек, гламурных журналов, пуленепробиваемых стекол, полированных лимузинов, семизначных банковских счетов — прямо туда, где дают пайку и баланду.

Впрочем, если они добрались до меня, это вовсе не значит, что они доберутся до моих денег.

Они искали меня два месяца. Подозревая в хищении миллиона американских долларов из государственной казны. И теперь поймали.

Миллиона я не крал. Я не люблю воровать и не умею. Сейчас я не терял присутствия духа. Не те времена на дворе, чтобы невиновного человека упрятали за решетку. Не те времена, господа! Вокруг меня, влекомого в Лефортовскую тюрьму, гудело и шевелилось нервное и жаркое лето девяносто шестого года. Только что, пару недель назад, страна переизбрала на новый срок своего первого президента. Тем самым сделав выбор в пользу демократии. А в демократиях, насколько я знал, только суд может лишить свободы человека.

Утро случилось ясное и очень теплое. Долго ехали по едва проснувшемуся, постепенно нагревающемуся городу, сквозь дрожащий воздух, сквозь желтый солнечный свет, наискось бьющий меж пыльных крон придорожных деревьев. Машина, затертая в разноцветное автостадо, двигалась медленно; я сидел на заднем сиденье в одиночестве и легко мог выскочить на ходу; попытаться сбежать, уйти дворами, переулками; но с какой стати? Я ничего не сделал! Я все им объясню и еще до обеда вернусь в свой кабинет, где на мерцающих экранах возникают и исчезают, двигаются, шевелятся и множатся деньги.

По дороге я им нагрубил, специально. Они обратились ко мне на «ты», и я сразу высказался. Оперативники пришли в ярость и временно умолкли.

Машина долго петляла по мостовым. Наконец заехала в какие-то дворы и остановилась возле массивного здания без вывески.

— Вроде здесь...

Один из двоих тут же повернулся ко мне и сильно ухватил согнутыми пальцами за нос. Его руки и мои ноздри из-за августовской жары были влажными от пота, поэтому жестокий приемчик удался лишь наполовину: рванувшись, я тут же спасся от захвата, однако из-за внезапной боли и унижения на глаза навернулись слезы.

— Сейчас мы с тобой войдем вон туда, — услышал я, — и там посмотрим, кто кого будет на «вы» называть!..

За массивными дверями — просторный тамбур. Затянутая металлической сеткой амбразура в стене. С той стороны с любопытством выглянул бледный функционер в серой фуражке.

— Лицом к стене! — деловито распорядился тот, кто покушался на мой нос. — Встать лицом к стене! Живо!

Он ухмыльнулся бледнолицему дежурному и кивнул в мою сторону:

— Гляди, какого Рокфеллера изловили!

Очевидно, речь шла о моем костюме. Штаны и пиджак выглядели довольно дорого, да и стоили тоже.

Повели по сложно изгибающимся коридорам. Втолкнули в комнату — просторную, но чрезвычайно душную. Здесь, сидя на стульях и столах, интенсивно курили несколько сумрачных мужчин в рубашках с закатанными рукавами. Все — старше меня и гораздо крупнее. Я почувствовал себя неуютно.

Раздались множественные хриплые возгласы.

— О! Поймали, что ли?

— А ты как думал? Всех ловили и этого поймали, — и в мою сторону опять: — Лицом к стене!

— Мы же его еще не смотрели, — озабоченно сказал второй из тех двоих, что меня взяли. — Вдруг у него — оружие?

— И то правда! К стене! Ноги шире! — это снова в мой адрес.

Я встал, как велели. Расставил ноги.

Стена мне не понравилась. Голая, в буграх штукатурки, в потеках старой зеленой масляной краски, она смотрелась позорно, почти непристойно. Про такую стену спеть бы «Пинк Флоиду»...

Из моих карманов — шустро, ловко их ощупывая — извлекли три мобильных телефона, паспорт, записную книжку, тяжелую связку ключей и около полукилограмма денег в двух валютах. Деньги швырнули на ближайший стол с искренним равнодушием. Но записная книжка вызвала большой профессиональный интерес. Непрерывно возбуждая себя никотином, опера бегло пролистали ценный вещдок, передавая его друг другу, а потом унесли из комнаты — очевидно, для более детального анализа координат моих друзей, знакомых, сотрудников, родственников, деловых партнеров, клиентов и всех

прочих мужчин и женщин, захваченных мною в орбиту своей беспечной жизни.

— Сядь на стул!

Открылась дверь, и торопливо вошли еще двое, потом третий. Прибежали явно специально для того, чтобы взглянуть на изловленного преступника.

— Наконец-то! Если бы ты знал, Андрюха, как мы устали за тобой бегать!

Я помалкивал.

— Что ты расселся? — грянули мне прямо в лицо. — Не у себя в офисе! Пересядь сюда! К свету ближе!

Изловчившись абстрагироваться, я увидел этих людей как забавных чудовищ. Они старались казаться страшными. Бряцали наручниками и потертыми пистолетами Макарова. Расхаживали, громко топая, отводя локти от туловища — как будто из их подмышек свисали дополнительные комплекты мужских достоинств. По одному справа и слева. Так ходят старослужащие в армии. Или ковбои в классических вестернах.

Их нерв, простой и честный, я вполне уважал. Против них я был дерьмо, щенок, мальчишка, бесовестный и лживый малый. Плохой человек. Любитель легких денег, «мерседесов» и девочек. Государство платило своим слугам плохо, и слуги испытывали классовую ненависть к малолетним нуворишам.

— С ним все ясно, — говорили они друг другу, небрежно тыкая в меня пальцами. — Он сядет надолго. И это правильно!

То есть стращали меня тюрьмой. А я к ней давно уже приготовился. Заранее. И испытывал сейчас не испуг, скорее причудливую комбинацию восторга и ужаса.

Наиболее занятой деталью обстановки мне показались пепельницы. Это были изготовленные из спичечных

коробков и аккуратно оклеенные фольгой от сигаретных пачек поделки заключенных.

Быстро выяснилось, что вся следственная бригада состояла сплошь из командированных провинциалов. Сыщиков и следователей перевели в столицу из Саранска, Пензы и Челябинска, поселили в общежитии и приказали работать. Искать виновников кражи казенных средств. Так — собрав в одну команду чужаков — милицееское руководство собиралось исключить возможность подкупа. Ведь местные московские кадры коррумпированы. Сращены с системой родственников, друзей и выгодных знакомых. А приезжие — никого не знают, ни с кем не близки. К тому же провинциал, командированный в центр, работает как зверь — вдруг его оценят и не отпустят обратно в Пензу?

В итоге теперь я испытывал на себе всю их ксенофобию: глубокое презрение к сытому обитателю сытой столицы.

Но я не переживал: я сам приехал в этот город лишь пять лет назад — такой же, как и они, пришелец. Чужак. Гость. Сын учителя и учительницы, выросший в деревне. Атмосфера большого мрачного здания надежно оплодотворялась тяжелой бранью. Неприхотливый крестьянский мат гудел и в коридоре, и в самом кабинете. Сленг, простой, как удар мужицкого топора о дерево, резал мой слух, заставлял напрягаться.

Темп происходящего я определил как весьма средний. Это их ошибка, зафиксировал я. Такого парня, как только что взятый подозреваемый, следует раскалывать быстро, на раз. Стоп-хлоп, и вот — клиент уже дает показания! Но нет. Они кружили вокруг меня. Примеривались. То входили в комнату, то выходили. Один зайдет, выкрикнет грубость, пнет ногой — и убежит ретиво; второй успокаивает, вкрадчиво вопрошает, хлопает по плечу, протягивает сигаретку, но тоже уходит в какие-то смежные помещения; третий возникает

энергично — совсем зверь, брызгает слюной, низко наклоняется, орет и хамит, изо рта пахнет гнилью, и я вижу, что его зубы плохие и на щеках — прыщи...

Долго, слишком долго разминали сыщики свежепойманного злодея. А надо им было сломать меня в полчаса. Гасить сразу! Сымитировать гестапо. Галстуки, белые рубахи, умные и страшные вопросы. Лампа в лицо. Не давать времени на раздумья, на анализ событий. Кто? Где? При каких обстоятельствах? Факты! Правду! Истину! По существу дела!!!

Нет — они проиграли время, предоставили мне возможность понаблюдать, сопоставить, извлечь выводы. И уяснить, что слуги закона знают обо мне многое, но не все. И — не самое важное.

Ведь они — взяли не того парня.

2

Мне двадцать семь лет.

Я бизнесмен. Банкир. Точнее, совладелец банка. Еще точнее: младший компаньон. Я богат. И я только что арестован как расхититель государственных средств.

Мой банк — очень маленький, мало кому известный, однако, что важно, вполне самостоятельный и устойчивый. Кроме того, что еще более важно, быстро растущий. Он, этот банк, возник из ничего в каких-нибудь три года. Мой банк. Мой ребенок, мое детище, смысл всей моей жизни, пожиратель моего времени и нервов, источник баснословных доходов. Его название не пишут на рекламных щитах, не произносят с телеэкранов большеротые девочки-модели. И слава богу.

Правда, хозяин всего бизнеса, основатель конторы, фигура номер один — не я, а другой человек. Мой старший

товарищ, босс, шеф, начальник. Мороз Михаил Николаевич.

О транзите проклятого миллиона договаривался именно он. Я же — всего лишь подчиненный. Клерк. Технический исполнитель. Мне сказали, и я сделал. Осуществил волю босса.

Шефа-начальника Михаила тоже взяли. Сегодня. Спустя полчаса после меня. Возле дверей нашей с ним конторы. Я понял это из обрывков разговоров. Но босса отпустят. А моя задача — сделать все, все, все для того, чтобы его отпустили обязательно. Вину — взять на себя. Арест, допросы, возможное тюремное заключение — часть моей работы. Эту работу, как и любую другую, я выполню качественно. За выполнение задачи мой босс мне платит. Он уже заплатил мне круглую сумму. И заплатит еще. Босс Михаил много богаче меня, он миллионер, долларовый, и услуги такого специалиста, как я, ему вполне по карману.

Однажды, три года назад, мы с Михаилом познакомились, поговорили — и сошлись во взглядах на жизнь и ее ценности. Стали работать вместе. К обоюдной выгоде. Босс Михаил искал и успешно находил клиентов: людей, желающих укрыть свои деньги от налогов. А я — помогал. Прикрывал спину. Заботился о деталях. И готовился к тому, чтобы однажды, когда наступит время, ответить перед законом по всей строгости. Ведь неуплата податей в государственную казну — уголовное преступление.

Что мне грозило в случае поимки, краха? Три года — за неуплату, год или два за подделку документов. Но я — не люмпен. Ранее не судим. Хорошая биография. Семья, маленький ребенок. При удачном стечении обстоятельств я вообще способен отделаться условным наказанием. А это сущий пустяк. Ради денег люди идут и не на такое.

Возможно, когда-то, много лет назад, я принимал решения слишком поспешно, мыслил чересчур цинично, переоценил свою отвагу. Но теперь об этом глупо вспоминать. Я давно в бизнесе и уже увяз. А он, бизнес, не признает Уголовного кодекса.

Обвинение в казнокрадстве, конечно, отпадет, и очень быстро. Ведь ни я, ни мой босс ничего не похитили. Давайте представим, что один покупает у другого нечто. Переводит деньги. Получает товар — и исчезает. Через год выясняется, что перечисленные деньги — краденые. Покупатель об этом умалчал. Теперь он в бегах. Продавца же — арестовывают как соучастника.

Конечно, некоторых может смутить то обстоятельство, что проданный товар в действительности выглядел несколько необычно: как зеленые пачки наличных долларов. То есть я попросту обналичил банковский перевод. Но сути это не меняет. Я готов по всей строгости закона ответить за то, что провернул запрещенную сделку, отоварил злодеев бумажными банкнотами, нарушив при этом финансовое, валютное и налоговое законодательства. Но превратить меня в расхитителя казны я не позволю.

Я не более аморален, чем сто тысяч других таких же, как я, молодых людей, упорно вращающих колеса своей коммерции в тесноте и духоте московских офисов и контор. Легко нарушая глупые и устаревшие государственные правила игры в бизнес, они никогда не пойдут на явное воровство. Они не желают брать чужое — им важно заработать свое.

Я вам не какой-нибудь гад, мечтающий урвать куш и прожечь его по злачным хатам. Я капиталист, ясно вам? Я верю в силу наличных денег, как верят дети в Санта-Клауса.

Сумбурно излагая такие свои доводы в сторону возбужденных сыщиков, я заметил, что все они чего-то ждут. То смеясь надо мной, то оскорбляя; то внимательно слушая, то обрывая на полуслове; то подшучивая почти по-приятельски, то ударяя ногой по ножке моего стула; то похлопывая по плечу, то изрыгая проклятия, — эти вооруженные люди в дешевых растоптанных туфлях не спешили, однако, составлять протоколы, описи и прочие зловещие бумаги. Должно прибыть начальство, догадался я.

Арест состоялся около восьми часов утра. Сейчас на моих золотых «Лонжинах» — почти десять. Самое время появиться людям, от которых все зависит, — вышестоящим руководителям.

Наконец где-то вдалеке тяжело затопали, скомандовали «смирно!», потом — тоном ниже — «вольно!». За стеной, в коридоре, возникли и быстро приблизились многие возбужденные, переплетающиеся голоса.

— Генерал приехал, — сказал в пространство один из оперативников и притушил сигарету.

Вошедший — энергичным твердым шагом — пожилой человек немедленно вызвал во мне симпатию. Его пиджак и галстук, холодный взгляд прозрачных глаз, седина в волосах, жестко изогнутые сухие губы, отменно слепленные кисти рук, особая сановная сутуловатость — все указывало на то, что он принадлежит к касте хозяев жизни. Опера тут же подобралась, приняли менее небрежные позы и чутко замерли. Один из них — тот, кто кричал и грубил больше других, — проворно перетащил стул от стены в центр комнаты, и высокопоставленный дядя медленно сел, закинув ногу на ногу и выставив на всеобщее обозрение превосходные летние туфли светлой замши (мои

туфли стоили минимум втрое дороже). Затем он пошевелил пальцами, и все, кроме меня, молча вышли из комнаты; последний аккуратно прикрыл за собой дверь.

Большой милицкий папа был свеж, как смородиновый куст в утренней росе. Благоухал одеколоном. И этим разительно отличался от своих подчиненных, распространявших вокруг себя запахи крепкого мужского пота и гуталина. Не иначе, генерал примчался на службу — прямо сквозь душный, влажный московский август — в кондиционированном автомобиле, заключил я. Стало быть, вкус комфорта знает. И это хорошо. На этой почве мы можем сойтись. Я тоже люблю и понимаю удовольствия жизни. Не предложить ли ему сразу денег, с ходу, пока мы одни? Нет — рано. Следует выслушать сначала все, что он скажет. Возможно, меня отпустят и без взятки. Такой взрослый, солидный, разумный на вид и явно очень опытный человек не может не понимать, что я ничего не крал...

Генерал неторопливо закурил. Сквозь завесу табачного дыма я был медленно, очень внимательно изучен. Особенно пристально и долго седой начальник смотрел на мой лоб, словно силясь что-то там прочесть.

— Дружок, — наконец негромко, приятным баритоном произнес хозяин жизни, — ты в беде. Ты попал в страшное дерьмо. Одно твое неверное слово — и ты у меня будешь сидеть вечно. Ты меня понял?

— Да, — ответил я и отважился противостоять милицескому папе взглядом. Но не сумел.

— Дело ведет Генеральная прокуратура страны, — тихо просветил меня генерал. — О ходе следствия я каждый день докладываю в правительство. Это ты тоже понял?

— Да...

— Вот и хорошо, — доброжелательно кивнул седовласый и сменил ногу. — Деньги, само собой, украл не ты.

Украл — крупный чин, сотрудник администрации. Министр. Не федеральный, конечно. Республиканский. Из провинции. Но — все равно министр! Он вступил в сговор со своим братом, а тот — с торговцем медикаментами. Была выделена огромная сумма. Якобы для закупок. А вот аптекарь вступил в сговор уже с тобой. Правильно?

— Нет! — с жаром возразил я. — Неправильно! Аптекарь — был, но сговора — не было!

Генерал прищурил глаз.

Вдруг мне снова показалось, что он пытается что-то прочесть повыше моей переносицы — некую надпись на лбу подследственного, сокрытую еще минуту назад, но проступившую теперь ярко и крупно.

— Значит, к тебе приходил именно аптекарь?

— Да, — тихо, после паузы, признался я.

Только приходил он не ко мне.

4

Выдав генералу по первому требованию самый важный кусок информации — назвав имя, расколовшись, — я не испытывал никаких уколов совести. Человек, только что поименованный как «аптекарь», подставил и меня, и моего босса, и наш бизнес. Втянул в беду. Прислал грязные деньги. Чего ради его покрывать?

Я видел аптекаря всего дважды. В первый раз — познакомился: пожатие рук, улыбка, обмен дежурными любезностями. Во второй раз — выдал миллион американских долларов наличными. Остальные вопросы улаживал и утрясал босс Михаил.

Вообще, молчать — не моя задача. Я могу говорить или не говорить, но при этом обязан добиться своей цели. Как

можно дальше увести всех этих сыщиков, оперативников, следователей, дознавателей и генералов от простого вопроса: кто именно является главой моего бизнеса.

5

Большой папа вновь окутался желтовато-серым дымом. Его взгляд отяжелел, и от этого взгляда я почувствовал себя скверно — едва не запаниковал. Чувство показалось абсолютно новым. Впервые — на двадцать восьмом году жизни — мне довелось вкусить настоящего, сильного, искреннего человеческого презрения.

До сих пор я вызывал в людях совсем другие эмоции — главным образом положительные. Интерес. Уважение. Иногда — зависть. Со мной хотели дружить. Брали с меня пример. Сначала в школе. Затем — в университете. Еще — в армии. И в редакции многотиражной газеты. И конечно, в банке.

Год за годом, с самого детства, я непрерывно получал доказательства того, что я — один из лучших, что я необходим человечеству как воздух. А теперь пожилой дядя, окруженный аурой могущества, дал мне понять, что все не так.

Не злоба читалась в его глазах — тогда бы они сверкнули. И не отвращение — тогда бы его лицо исказила гримаса. Нет, я ощутил презрение в чистом виде. Откровенное, как порнофильм.

Здесь и началась моя тюрьма, состоялся мгновенный переход из одной жизни в другую. Генерал посадил меня за решетку одним взглядом. В тот миг, когда он только вошел, и сел на стул, и закурил, и начал говорить, — я был еще свободным человеком, взятым по недоразумению. Теперь, впитав вражду высокопоставленного, я осознал, что влип

и после разговора с седым милицейским бонзой отправлюсь не в офис и не домой к жене, а — в камеру.

— Думай, — проскрипел мой собеседник неожиданно старческим голосом. — Сесть можешь надолго. И Миша твой — тоже.

Я похолодел. У генерала и его отряда имелись все шансы, чтобы посадить меня. Но босса Михаила Николаевича, или просто Мишу Мороза, мне следует сберечь во что бы то ни стало!

Мы договорились с боссом Михаилом заблаговременно. О том, что на следствии — если до него дойдет — я сразу твердо объявляю шефом лавочки именно себя. А босс — остается ни при чем, спасает и бережет капиталы и пускает эти капиталы на то, чтобы мое наказание стало максимально мягким. Чтобы я был освобожден либо сидел недолго и с полным комфортом. То есть я берегу его свободу и безопасность, а он бережет мои деньги. Красиво, просто, эффективно.

Да! Я гордился тем, что я и босс Михаил все заранее предусмотрели. Четко, вдумчиво распределили роли. Это признак высокой организации нашего дела, а оно того стоило, оно принесло нам двоим за три года упорной работы целое состояние.

Но если мне не удастся отмазать босса — тогда мы пропали, оба.

Я ощутил сильную, неприятную дрожь в коленях и руках и нарушил паузу:

— Извините, вас как...

— Генерал Зуев!

— Товарищ генерал! — немедленно вскричал я, произнося всемирно известное волшебное слово «товарищ» быстро, одним звуком, проглотив его середину, — так говорят те, кто служил срочную службу, кому по многу раз в день

приходилось выговаривать: «товарищ лейтенант!», «товарищ майор!», «товарищ прапорщик!».

Только носивший за спиной автомат, а на плечах — погоны способен выстреливать из себя короткое, энергичное «товарищ», одновременно сообщая звукам голоса нужный пиетет к старшему по званию.

— Товарищ генерал! Все это смешно! Я не крал денег! Мне это не надо! Мне есть чем кормить жену и сына! Я внесу штраф... Любой...

Так в одной поспешной фразе мне удалось сообщить папе Зуеву, что перед ним человек, служивший в армии (а значит, не рафинированный чистоплюй), что этот человек семейный (то есть стабильный и осторожный) и что он готов за свою свободу заплатить.

— Говори, говори, — разрешил генерал, наблюдая за мной с интересом.

Я приободрился.

— Ведь этот... которого вы называете «аптекарь»... он ничего мне не сказал про то, что его деньги — краденые!

— Конечно, не сказал, — великодушно согласился седовласый бонза. — А зачем?

— Значит, вы понимаете, что я невиновен?! — счастливо возопил я.

— Там видно будет...

Цена вопроса выражалась в многих годах лишения свободы. За занятия незаконными финансовыми операциями мне грозило три года условно, но вот за воровство миллиардов из федерального бюджета — десять лет реально. Я задрожал еще больше.

— Вижу, ты хороший парень, — одобрил меня генерал и закурил третью за десять минут сигарету. — Сделаем так. Сейчас придет следователь. Продиктуешь ему показания. Подробно. Кто, как, когда, с кем и прочее. Следователь все

запишет. На основании протокола допроса я, как руководитель бригады, приму решение о твоей дальнейшей судьбе. Ясно?

— В общем, да.

— «В общем»... — брезгливо передразнил генерал. — Не делай глупостей, сынок! Малейший намек на вранье, на обман — и тебе конец. Совсем. Сгинешь без следа. Будешь сидеть всю жизнь. И не забудь подписать протокол...

— Протокол? — переспросил я, немного помолчав. — Без проблем. Но мне понадобится адвокат.

— Он уже тебя ждет, — сурово ответил генерал Зуев. — Повторяю: не вздумай соврать, ни в одном слове!

— Обещаю, — соврал я.

Глава 2

1

Грубый оперативник, давеча подставлявший под генерала стул, больно стиснул мой локоть крепкими, как железо, пальцами и вывел в коридор.

На полу, на затоптанном линолеуме, я увидел несколько объемистых картонных коробок, доверху набитых пачками всевозможных документов и компьютерными дискетами. И то и другое еще вчера принадлежало лично мне и хранилось в моем кабинете. В офисе.

Обыск, понял я. Все изъято! Однако сыскари-матерщинники, надо отдать им должное, действуют быстро... Стало быть, офиса больше нет. Он разорен. Документы вывезены. Компьютеры опечатаны. Сотрудники — в шоке. Без сомнения, все допрошены. Работа фирмы парализована. Убытки гарантированы.

Я представил себе своих помощников, менеджеров Семена и Сергея, тихих компьютерных мальчишек, стоящими лицом к стене, руки и ноги шире плеч, — и понял, что происходит что-то очень плохое. Какая-то безоговорочная гадость. Когда все успокоится и меня отпустят, мне придется потратить многие недели для того, чтобы все восстановить... А кто оплатит ущерб? Разве можно так бесцеремонно бомбить рабочее место делового человека? Безобразие! Я буду жаловаться...

Тебя, испуганного, но бодрящегося, привозят в следственный корпус Лефортовской тюрьмы, а там ты вдруг видишь свои бумаги. Документы, собственноручно тобой изготовленные и подписанные. В твое отсутствие, без твоего разрешения они собраны каким-то внимательным человеком в аккуратные коробочки для всестороннего изучения. Странные чувства посетят тебя. Ты ощутишь, что какой-то важный период твоей жизни здесь кончается; и в этот же кратчайший пограничный миг стартует другой, столь же важный виток судьбы; перелистывается страница; где счастливцев, которому так долго везло? Исчез и больше не вернется.

Я едва успел бросить на свое имущество печальный взгляд, как железные пальцы потянули меня дальше — через дверь, раскрытую сильным толчком руки, в бедно обставленную комнату, насквозь пробитую лучами солнца. Несмотря на яркий свет, помещение показалось мне невыносимо мрачным. Таким, где хорошо чистосердечно признаться в разнообразных правонарушениях, а потом уйти и забыть про все произошедшее, как про страшный сон.

Сощурившись, я увидел двух страдающих от жары мужчин. Оба мгновенно повернули в мою сторону влажные лица. Один из них был мой адвокат Максим Штейн — склонный к полноте молодой человек с огненно-рыжей шевелюрой и водянистыми глазами, выражающими полное отсутствие каких бы то ни было признаков совести.

2

До сегодняшнего дня я видел адвоката лишь однажды — в момент знакомства. Тогда сидели втроем, в конторе; был еще босс Михаил. Собственно, он и организовал встречу.

Всякий серьезный банкир всегда готов купить — и покупает — информацию о себе. Он не ищет специально: осведомленные люди в нужный момент появляются сами, чтобы сообщить о предполагаемых милицейских акциях. За вознаграждение.

Так что босс узнал о том, что его младшего компаньона ищет прокуратура, заблаговременно. И срочно подыскал опытного защитника. И устроил совещание, втроем.

Несмотря на примерно одинаковый возраст и происхождение — всем троим около тридцати, все трое интеллигенты, — собеседники вели себя разное. Банкиры страдали нервным тиком: я дергал щекой, Михаил — плечом и челюстью; оба часто курили, морщили лбы и излишне аффектированно теребили в руках дорогостоящие зажигалки и авто ручки. Ребята с большими деньгами и большими проблемами.

Адвокат, напротив, держал себя чрезвычайно благодушно и часто раздвигал в осторожной улыбке пухлые щеки человека, никогда не переживающего по пустякам.

— Это Андрей, — сказал Михаил, указав на меня массивным квадратным подбородком. — Моя, типа, правая рука. И левая. Скорее даже левая, учитывая, типа, круг его задач. Но и правая тоже...

— Я понял, понял, — поспешно кивнул Рыжий, поправляя отменно завязанный узел дорогостоящего галстука. Мой галстук стоил минимум втрое больше.

Босс поморщился. Он совершенно не выносил, если его перебивали. Общение Михаила с окружающими происходило всегда в форме монологов (на то он и босс). Монологи начинались всегда трудно, косноязычно. Однако по мере того как мысль хозяина разгонялась, произносимые фразы становились все круглее и четче.

— Как только его возьмут, — Михаил повторно двинул в мою сторону подбородком, — вы приступите к работе.

Начнете, типа, действовать. Не стесняясь в средствах. Говоря о средствах, я имею в виду как непосредственно наличное бабло, так и те поступки, которые вы предпримете для скорейшего освобождения моего человека из-под стражи. Подчеркиваю особо: вы обязаны будете предпринять все меры! — Босс значительно повысил голос и перечислил: — Жалобы!.. Ходатайства!.. Звонки из высоких административных кабинетов!.. Газетные статьи!.. Репортеры с телекамерами!.. И так далее, вплоть до уличных манифестаций с плакатами и скандированием лозунгов...

Рыжий бросил на меня заинтересованный взгляд. Что за мальчонка такой, если ради него следует расшибиться в лепешку? Его любопытство, острое, с оттенком зоологии, я запомнил. Так боязливо, но и почти восторженно смотрят посетители зоопарка на маленького зверя, энергично расхаживающего по своей тесной клетке и бьющего направо и налево сильным хвостом.

— А вы уверены, — спросил адвокат, — что его возьмут?

— Я сам видел копию постановления о задержании, — буркнул Михаил. — Своими глазами.

Рыжий помолчал.

— Может быть, все обойдется?

Босс засопел. Он имел значительный недостаток: считал себя умнее всех остальных шести — или сколько их там есть — миллиардов человеческих существ. Он поджал бледные губы и попросил:

— Не надо успокаивать. Не надо успокаивать! Я окончил Московский университет. У меня диплом психолога. Я год работал на телефоне доверия. Успокаивал, типа, самоубийц...

Адвокат опустил глаза.

— Если бы я... типа, хотел себя успокоить, — продолжал давить босс, — я бы сам себя успокоил! Вы, Максим, успокаивайте лучше его. — Новый кивок в мою сторону.

Я вдруг ощутил раздражение. Обо мне в моем присутствии говорили, как будто меня здесь не было.

— Это он, — тихо сообщил босс, — курировал всю сделку с тухлым миллионом... Он готовил и подписывал контракты и прочие бумажки... Прокуратура хочет главным образом его, а никак не меня. Я — совершенно чистый. Официально в этой фирме я — никто. А он — замаскирован, и очень круто...

Максим Штейн вдруг продемонстрировал решительность. Он встал и застегнул пуговицы.

— Я немедленно наведу справки о вашем деле, — сухо произнес он. — У меня тоже есть связи. Я посоветуюсь со старшими коллегами. Посмотрю литературу. Сегодня же вечером я буду готов к повторному, более детальному разговору. А сейчас позвольте откланяться...

— Думать побежал, — предположил я, когда рыжий юрист вышел, с усилием закрыв за собой стальную дверь.

— Да, — согласился Михаил. — Типа, испугался...

— Не надо было разговаривать здесь...

В нашем подвале были ободранные стены и щербатый пол, мебель — дешевая и потертая. Но у стены в ряд стояли четыре новейшие купюросчетные машины «Магнер», заботливо укрытые пластиковыми колпаками, у второй стены — две машины для уничтожения бумаг. Каждая в секунду рубила в мелкое конфетти воскресный выпуск газеты «Коммерсант» (я проверял). Рядом с дверью помаргивали два огромных монитора со свитчерами на шестнадцать видеокамер наружного наблюдения. Стальная дверь, укрепленная по периметру титановой рейкой, весила двести пятьдесят килограммов. Противу двери покоился сейф, весивший в три раза больше. Его втаскивали сюда четверо грузчиков на специальной тележке с гидравлическим приводом. Вся операция стоила как три пары моих ботинок.

Ведь людям потом пришлось приплатить, чтобы они помалкивали.

Попав в такое место и услышав разговоры о краденном миллионе, даже сведущий человек, даже уголовный адвокат — если не испугается, то задумается. Может, не стоит рисковать?

— По-моему, он так и не понял, кто я такой.

Босс хмыкнул:

— А ты сам-то понимаешь, кто ты такой?

— Конечно! Я — молодой и перспективный российский предприниматель. Финансист. А еще — махинатор. Кроме того, я тот, кто прикрывает твой зад.

Михаил смотрел на меня без улыбки. Мы были друзьями, но наша дружба развивалась как отношения людей умных и серьезных. Панибратство исключалось. Особенно на работе.

— Хорошо, — кивнул босс. — Когда будешь объясняться в милиции, не говори, что ты махинатор. И про мой зад тоже не говори. Сосредоточься на том, что ты финансист и этот... как его... молодой и начинающий.

— Перспективный! — поправил я.

— Да, и это скажи тоже.

Так мы шутили между собой в середине лета девяносто шестого года, когда уже знали, что за нами ведется охота.

Вот простая история. Двое юношей, незнакомые друг с другом, приехали в главный город страны — учиться. Обоим повезло. Они стали студентами лучшего в мире университета. Однако в последние десять лет тысячелетия все в стране перевернулось. Некогда престижные гуманитарные профессии — психолог, журналист — теперь не гарантировали не то что материального достатка, но даже и куска хлеба на столе. Со свойственной обоим решительностью молодые люди бросили работу по специальности. Стали искать новые точки для приложения сил.

А как иначе? Еще вчера ты был старшекурсник, спортсмен, эрудит и весельчак, приятель красивой девушки с пушистыми волосами, а сегодня какой-то стриженный мерзавец сажает твою подругу в машину с тонированными стеклами и увозит в ресторан.

В общем, обогащаться хотелось больше, чем совокупляться. Притом что первое гарантировало второе.

В ходе жесточайшей пьянки — ее назвать бы студенческой, только почти все ее участники собирались бросать учебу — двое парней, Михаил и Андрей, рассказали друг другу похожие истории о своих девушках, переметнувшихся к стриженным тонированным соперникам. Возникла симпатия. Михаил показался Андрею очень желчным, но Андрей отнес недостаток на счет возраста. Его новый приятель был старше. В двадцать два года еще можно не иметь доходной профессии, статуса и приличных брюк, но в двадцать шесть — уже кошки скребут. Кто я? Кем я стал? Что я сделал? Проклятые вопросы, безжалостные лезвия, ранящие молодое самолюбие.

Андрей понял Михаила, а Михаил — Андрея. И тот и другой желали от жизни лучшей доли, адекватной вложенным усилиям, энергии, таланту.

Чего хотели Андрей и Михаил?

Чего мы все — студенты, молодые люди с блестящими дипломами и дырками в заношенных свитерах — хотели тогда, в девяносто первом?

Всего, и немедленно.

Успеха. Победы. Движения вверх. Непрерывной личной экспансии. Абсолютной самореализации. Чести. Славы. Статуса. И денег.

Хотелось прогнеть. Осчастливить человечество. Усовершенствовать Вселенную. Конвертировать личный гений в его доказательства. Вычислить секретную формулу,

гарантирующую счастье всех людей. Получить за это Нобеля, Оскара, Букера, Пулитцера. И денег.

Хотелось женщин, автомобилей, коньяков. Хотелось приключений, драк, путешествий по краю. Риска. Хитрого маневра. Удачи. И денег.

Хотелось положить всю планету перед собой, словно горячий кровавый бифштекс, разъять и сожрать.

Запить вином.

Кто не был в двадцать лет мегаломаньяком, хотя бы чуть-чуть, — тот в тридцать никем не станет.

А дальше мы не загадывали.

Гоп-команда полудиких провинциалов, мы почти покорили столицу — с разгона поступили в лучший университет. Ясно, что дальше будет так же. Вверх и только вверх! Карбаться, не сомневаться, не останавливаться. Не лениться, не спать, не тормозить...

Ни Андрей, ни Михаил — несмотря на дипломы, тренированные интеллекты и тела — понятия не имели о том, что и как делать. Но однажды Михаил придумал.

Позвав в напарники Андрея, он стал покупать и продавать деньги.

Три года упорной работы ушло на то, чтобы наладить бизнес и приобрести опыт.

Вот что-то стало получаться. Вот грянула первая прибыль. Вот все увеличилось. Вот сменился круг общения, выросли запросы; вот дорогие наручные хронометры украсили запястья; вот прибыли стали сверхприбылями, и лучшие туалетные воды оросили острые кадыки; и показалось — ВСЕ ВОЗМОЖНО; и отошло на задний план все, кроме денег, — свободное время, жены и дети, друзья, отдых, здоровье, интересы, хобби, а деньги в ответ благодарно приумножались, росли, разбухали — оставалось лишь неотлучно находиться рядом, чтобы проверять и контролировать...

Теперь налаженный бизнес мог рухнуть, пойти прахом. Что еще оставалось делать Михаилу и Андрею? Только мрачно шутить.

3

...Второй человек, находившийся в комнате для допросов, с расстояния в четыре шага выглядел как начинающий пенсионер. Его одежда состояла из тяжелой клетчатой рубашки и брюк — сильно потертых, но вполне чистых и тщательно выглаженных. Лоб пересекали глубокие продольные морщины. На носу прочно сидели массивные, в черной оправе, очки с большими диоптриями.

Однако, подойдя ближе, я увидел, что морщинистому очкарику от силы лет сорок, а преждевременное увядание кожи лица вызвано, очевидно, сидячим образом жизни.

На столе перед «клетчатым» незнакомцем располагался переносной компьютер, рядом — портативный принтер со вставленным уже в него листом бумаги. Меж двумя механизмами невинно покоилась тощенькая папочка-скоросшиватель, светло-серая, слегка захватанная по краям пальцами.

Четыре жирные черные буквы на картоне образовывали короткую зловещую комбинацию:

ДЕЛО.

Далее следовал номер из многих цифр.

Я полез в карман, извлек платок и вытер обильно выступивший на лбу пот.

— О! Привет! — дружелюбно, ровным голосом произнес преждеременно увядший, нацеливая на меня свои стекла. — Ты, я так понимаю, Андрей, да?

Я осторожно кивнул.

— А я — следователь Генеральной, это самое, прокуратуры. Твой.

— Мой? — переспросил я.

— Да, твой. Меня зовут Степан Михайлович. Фамилия — Хватов. Я буду с тобой работать.

Хватов, с горечью сказал я себе. Отлично. Вот это да. Значит, Хватов. У тебя были свой водитель и свой массажист, а теперь есть и свой следователь. И зовут его — Хватов.

Кого же хватал твой далекий предок, уважаемый Хватов? Не иначе, таких, как я.

— А с ним не надо работать, — как бы небрежно, но решительно высказался адвокат, ободряюще мне подмигнув. — Его нужно допросить и отпустить! Вот и все! Давайте начнем, чтобы человек не терял время! У него — бизнес! Много дел! Он и так упустил из-за вас почти полдня!

— Не возражаю, — мгновенно ответил очкарик и сделал в мою сторону приглашающий жест. — Присаживайся...

Он указал на табурет, мертво укрепленный возле стола, и я сел. Боком.

Всякий банкир знает, что на допросе приходится сидеть в профиль к начальнику. Это — психологический прием. Клиента усаживают боком, ему неудобно, он вынужден двигаться, скручивать корпус, ему труднее сосредоточиться и, соответственно, обмануть следствие.

А я — сидя в бедно обставленной, но с высоким потолком комнате, за коричневым, во многих местах поцарапанным столом, ерзя своим тощим, однако твердым задом по вделанному в пол табурету, перед следователем Генеральной прокуратуры, в кабинете для допросов Лефортовского изолятора, — я задумал соврать.

— Жарко в вашей Москве, — неожиданно пожаловался следователь. — И шумно. Очень...